

УДК 14; 159.9.01

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

ГЛЕБОВА Марина Владимировна

кандидат педагогических наук, заместитель начальника
Управление образования администрации города Прокопьевска
г. Прокопьевск, Россия

В статье рассматривается фундаментальный сдвиг в структуре и характере интеллектуальной деятельности, обусловленный переходом к постнеклассическому типу научной рациональности. Рассматривается переход от классических линейно-детерминистских моделей мышления к сетевым, диалогическим и распределенным формам когнитивных процессов. Делается вывод о формировании нового «эпистемологического ландшафта», где познание становится рефлексивным, нелинейным и этически нагруженным процессом, требующим трансформации традиционных когнитивных стратегий.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, научная рациональность, интеллектуальная деятельность, информационная эпоха, эпистемология, метапознание, когнитивные технологии.

Введение. Эволюция научной рациональности – от классической через неклассическую к постнеклассической стадии (по В.С. Степину) – представляет собой не просто смену методов, а метаморфозу самого субъекта познания и его интеллектуального инструментария [12]. Концепция «постнауки» (post-science) не является строго формализованной, но она отражает ряд глубоких преобразований в интеллектуальной деятельности человека в конце XX – начале XXI в. Это состояние «после» классической, модернистской науки, какой мы определяли ее в период с XVII до середины XX в. Интеллектуальная деятельность человека перестает быть «внутренним делом» изолированного субъекта, превращаясь в открытый, распределенный, технологически опосредованный процесс. Если классическая рациональность была ориентирована на поиск абсолютной истины в «мире-как-механизме», а неклассика признала относительность истины в контексте измерительных процедур («мир-как-вероятность»), то постнеклассическая наука фокусируется на саморазвивающихся, открытых, сложноорганизованных системах (биосфера, мозг, социум, техногенные комплексы). Работа с такими объектами радикально трансформирует интеллектуальную деятельность, выводя ее за рамки чисто «академического» поиска.

Черты постнеклассической рациональности – междисциплинарность, учет ценностного измерения, нелинейность, синергетичность, ориентация на сложные саморазвивающиеся системы – напрямую влияют на онтологию и практику мышления.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью философско-психологического осмысления этого антропологического сдвига, который, прежде всего, связывают со сменой парадигмы в мышлении о человеке [10; 11] и фокусировкой различных социальных наук на «проблеме человека» [2]. В широком смысле слова антропологическим поворотом можно обозначить рост и усиление значимости современного антропологического знания в целом и в отдельных социальных, политических, педагогических практиках [3].

Цель статьи – выявить и концептуализировать специфические черты интеллектуальной деятельности в постнеклассическую информационную эпоху. Задачи: 1) провести анализ постнеклассических принципов применительно к когнитивным процессам; 2) описать воздействие цифровой среды как нового «когнитивного ландшафта»; 3) сформулировать модель современной интеллектуальной агентности (способности действовать проактивно, за пределами узкоспециальных задач).

Интеллектуальная деятельность в контексте постнеклассической рациональности. Постнеклассическая рациональность – тип научной рациональности, который связан с анализом сложных самоорганизующихся систем, неравновесных процессов и диссипативных структур, признающий динамическую неустойчивость, вероятность, необратимость и нелинейность мира.

Интеллектуальная деятельность в постнеклассическую информационную эпоху характеризуется изменениями в подходах, методах и проблемах, а также перспективами развития. Эти процессы связаны с изменением характера научной деятельности, обусловленным информационной революцией: появлением и применением принципиально новых методов и средств сбора, обработки, хранения и передачи информации, анализа и оценки данных с использованием компьютерных технологий.

Определяя специфику интеллектуальной деятельности в эпоху постклассики, мы выделяем следующие ключевые составляющие:

1. *Переход от классического субъекта к постнеклассическому интеллектуальному агенту: смена парадигмы.*

Классическая модель интеллектуальной деятельности, восходящая к Рене Декарту и Иммануилу Канту, связана с рационализмом – философско-мировоззренческим направлением, признающим разум основой познания и поведения людей; предполагает суверенный, рефлексивный субъект, познающий объективный мир через логические операции.

В модели интеллектуальной деятельности Р. Декарта, основанной на субъектной архитектуре мышления, фиксируется поворот к интроспективному основанию мышления: оно не зависит от внешнего мира, а черпает свое бытие из самого акта мышления согласно формуле «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую»).

Модель интеллектуальной деятельности И. Канта усиливает субъектную архитектуру мышления. Философ утверждает, что мир познается не таким, каков он есть сам по себе, а таким, каким его формирует структура субъекта (в первую очередь – априорные формы чувствительности и рассудка).

«Критическая философия» И. Канта стала попыткой объединить стратегию рационализма со стратегией эмпиризма: границы рационального познания, по Канту, совпадают со сферой применимости научной методологии, миром явлений, «феноменов», но всеобщность и универсальная истинность законов познания гарантируется априорностью чувственных созерцаний (интуиции) пространства и времени, а также категориальной структуры рассудка [9].

Кант, в конце XVIII в. отвергнувший онтологическое обоснование знания, показал, что не структура познаваемой субстанции, а структура познающего субъекта определяет характер познания и предмет знания, тем не менее, сохранил неизменным представление о внеисторическом характере разума [1, с. 11].

В философии Г.В.Ф. Гегеля рационализм объединяется с диалектикой, которая выступает как всеобщая логика самопознания разума, или абсолютной идеи, как логика универсального мирового процесса и в то же время как фундаментальная теория познания.

В гегелевской философии классическая парадигма рационализма получила свое наиболее последовательное выражение, по сути, исчерпав свои возможности.

Как отмечает В.Н. Порус, А. Шопенгауэром, Ф. Ницше, С. Кьеркегором рационализм критиковался, прежде всего, как мировоззренческая и методологическая установка, как модельный образец организации общества и основных сфер человеческой практики, человеческого поведения, как совокупность соответствующих идеалов и ценностей. В связи с этим подверглись критике представления о человеке как существе рациональном *par excellence*, о разумной необходимости, якобы направляющей действие исторических законов, о способности науки достигать истинного и объективного знания [9].

Неклассическая парадигма в XX в. внесла поправку на средства наблюдения и бессознательное. Постнеклассика радикализирует этот поворот: субъект познания растворяется в сетях (М. Кастельс) и акторно-сетевых конфигурациях (Б. Латур) [5; 6]. Интеллектуальный агент сегодня – это «узел» в глобальных информационных потоках. Его мышление не-

линейно: поиск решения часто представляет собой не дедуктивный вывод, а хаотичный блуждающий поиск (серфинг) между гиперссылками, базами данных, алгоритмическими рекомендациями в профессиональных сервисах обмена данными. Рациональность становится инструментальной и ситуативной, нацеленной на решение конкретной «кейс-задачи» в условиях неполноты данных и временных ограничений.

2. *Влияние цифровой среды как «экзокортекса» (технологического расширения человеческого интеллекта) на формирование новой социальной ситуации развития.* По аналогии с концепцией «экзосоматического органа» (К. Поппер) цифровые технологии в качестве внешнего продолжения, «экзокортекса», человеческого мозга [8], расширяющего его за счет внешних вычислительных систем, таких как нейроинтерфейсы, искусственный интеллект или облачные технологии, приводят к следующим фундаментальным изменениям:

- экстернализации памяти и внимания: функции запоминания делегируются «облачным» сервисам, что, по мнению одних исследователей, освобождает ресурсы для креативности [4; 13], а, по мнению других, – ведет к «цифровой амнезии» и ослаблению мнемонических способностей [15];

- гибридации мышления: интеллектуальный акт все реже является чисто биологическим, он представляет собой симбиоз human-computer interaction (анализ больших данных, визуализация, моделирование, написание текстов с помощью ИИ), в результате чего формируется «распределенный когнитивный контур» [14], где часть процессов осуществляется алгоритмами;

- клиповости и многозадачности: непрерывный поток информации фрагментирует сознание, поощряет «клиповое мышление» (неглубокое, но быстрое переключение); многозадачность, вопреки мифу о продуктивности, ведет к когнитивной перегрузке, поверхностности обработки информации и росту психической энтропии.

3. *Формирование «метакогнитивной компетенции» как ядра новой интеллектуальной культуры.* В ответ на эти вызовы ключевой способностью становится не про-

сто обладание знанием, а управление познавательными процессами на метауровне. Это включает:

- управление цифровым вниманием (способность к селективной фокусировке в условиях перманентных отвлечений);

- критическую оценку источников и качества информации (критическое мышление): в эпоху информационной избыточности и фейков навык верификации, выявления bias алгоритмов и авторов становится survival skill (навыком выживания);

- навигацию в нелинейных знаниях: умение строить индивидуальные траектории обучения, соединять разнородные концепты из разных дисциплин, что соответствует постнеклассическому идеалу междисциплинарности;

- этико-рефлексивную позицию: осознание ответственности за производимые и распространяемые смыслы в сетевой среде, понимание последствий внедрения когнитивных технологий.

Интеллектуальный процесс в рассматриваемой парадигме утрачивает линейный характер «гипотеза → эксперимент → теория». Он приобретает сетевую, нелинейную структуру, которая может быть описана системой взаимосвязанных понятий:

- трансдисциплинарность: решение проблем требует синтеза знаний из далеких дисциплин (физики, биологии, информатики и социологии);

- компьютерное моделирование и Big Data: работа со сложными системами часто невозможна без вычислительных экспериментов; интеллектуальная деятельность смещается от аналитического вывода к интерпретации результатов моделирования, работе с вероятностными сценариями и визуализациям;

- признание множественности описаний: для одной системы могут существовать несколько валидных, но не сводимых друг к другу моделей; истинность замещается адекватностью в рамках конкретного контекста и поставленных целей.

Ценностно-целевые модусы познавательной деятельности в рамках постнеклассической рациональности приобретают статус конституирующего фактора. Исследовательская программа немислима вне этических и

социальных ориентиров. Интеллектуальная деятельность в области геномной инженерии, нанотехнологий или искусственного интеллекта изначально сопряжена с вопросами: «Во имя чего?», «Как предотвратить риски?». Это внутреннее условие самой рациональности. Происходит сращивание познавательных императивов с гуманистическими.

Интеллектуальный труд в этой парадигме – это всегда диалог, поиск баланса, работа на грани познаваемого, где каждое открытие одновременно ставит новые вопросы о целях и смыслах человеческого существования.

Риски и перспективы: антропологический контур. Специфика эпохи порождает диалектику усиления и ослабления когнитивных функций. С одной стороны, возникает риск «когнитивного вычитания»: деградации способности к глубокому чтению, длительной концентрации, самостоятельному логическому выводу. С другой – открываются беспрецедентные возможности для коллективного интеллекта, визуализации сложных данных и экстернальной креативности. Интеллект человека активно трансформируется, адаптируясь к новой среде. Задача философии и психологии – разрабатывать нормы и практики, которые позволят направить эту трансформацию в русло когнитивного усиления (enhancement) и сохранения человеческой агентности.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что специфика интеллектуальной деятельности в постнеклассическую информационную эпоху определяется тремя фундаментальными сдвигами: 1) от изолированного субъекта – к сетевому агенту; 2) от внутреннего психического процесса – к гибриднему, распределенному и экстернализованному акту; 3) от освоения готового знания – к метакогнитивному управлению нелинейными информационными потоками. Интеллект теперь функционирует в режиме «постоянного частичного включения» в циф-

ровую среду. Это требует пересмотра образовательных парадигм, где на первый план должны выходить развитие критического мышления, цифровой грамотности и способности к саморегуляции познавательных процессов. Будущее интеллектуальной деятельности видится не в противостоянии человека и искусственного интеллекта, а в созидательном симбиозе, где человеческое остается за ценностными суждениями, постановкой смыслообразующих задач и этической рефлексией, а технологическое берет на себя рутинные операции по обработке информации, расширяя тем самым горизонты человеческого познания и творчества.

Отсутствие жесткой привязки постнеклассики к центрированию внимания на нелинейных процессах и к синергетике, а также сознательное методологическое обогащение постнеклассической рациональности конкретно-всеобщей диалектикой, по утверждению Ю.В. Лоскутова, с которым мы согласны, могло бы стать эвристическим преимуществом постнеклассических исследовательских программ будущего, обогащающим их теоретические и практические возможности [7].

В качестве послесловия отметим, что данная статья – не итог, а приглашение к дискуссии и обсуждению вопросов, связанных с трансформацией когнитивной сферы и интеллектуальной деятельности человека в условиях современного технологического прогресса, которая может проходить как в положительном, так и в отрицательном ключе. Мы находимся в эпицентре этой трансформации, и ее конечные контуры лишь прорисовываются. Научному сообществу необходимо не только адаптироваться к этим изменениям, но и активно участвовать в формировании принципов новой рациональности, отстаивая ее гуманистическое ядро. Постнеклассическая рациональность явно аксиологически ориентирована. Конкретизация этой тенденции – дело ближайшего будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
2. *Гуревич П.С.* Проблема человека в западной философии / сб. пер. с англ., нем., фр. / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 544 с.
3. *Гусельцева М.С.* Антропология современности: человек и мир в потоке трансформаций. Монография. В 3 ч. Ч. 1. – М.: Акрополь, 2021. – 464 с.

4. *Ивушкина Е.Б., Морозова Н.И.* Гибридный интеллект – высоконвергентная модель взаимодействия человека и компьютера // Научный альманах стран Причерноморья. – 2025. – № 11(2). – С. 7-12.
5. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: АCADEMIA, 1999. – С. 492-505.
6. *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
7. *Лоскутов Ю.В.* Раскол в постнеклассической рациональности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2022. – Т. 38. – Вып. 1. – С. 30-41. – URL:<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.103> (дата обращения: 09.01.2026).
8. *Поппер К.Р.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия / пер. с англ. И.В. Журавлева. – М.: URSS, 2008. – 256 с.
9. *Порус В.Н.* Рационализм / Гуманитарный портал: концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002-2025 (последняя редакция: 01.12.2025). – URL:<https://gtmarket.ru/concepts/6928> (дата обращения: 09.01.2026).
10. *Ростова Н.Н.* Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 93-98. DOI: 10.17223/15617793/456/10.
11. *Смирнов С.А.* Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. – 2017. – № 2. – С. 23-35. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.2.22058.
12. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. – № 8. – 2003. – С. 5-17.
13. *Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // Analysis, 1998. Oxford: OUP, 2014. V. 58. No. 1. P. 7-19. DOI: 10.1093/analys/58.1.7.
14. *Hutchins E.* Cognition in the Wild. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995. P. 379.
15. *Sparrow B., Liu J., Wegner D.M.* Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011. V. 333. P. 776-778. DOI: 10.1126/science.1207745.

TRANSFORMATION OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF POST-NON-CLASSICAL SCIENTIFIC RATIONALITY

GLEBOVA Marina Vladimirovna

Candidate of Sciences in Pedagogy, Deputy Head
Education Department of the Prokopyevsk City Administration
Prokopyevsk, Russia

The article examines the fundamental shift in the structure and nature of intellectual activity caused by the transition to a post-non-classical type of scientific rationality. It considers the transition from classical linear-deterministic models of thinking to network, dialogical, and distributed forms of cognitive processes. The article concludes that a new «epistemological landscape» is emerging, where cognition becomes a reflexive, nonlinear, and ethically charged process that requires the transformation of traditional cognitive strategies.

Keywords: post-non-classical science, scientific rationality, intellectual activity, information era, epistemology, metacognition, and cognitive technologies.
